

Вениамин Бычковский

Вениамин Николаевич Бычковский – родился в 1953 году в Уфе, куда в годы Первой мировой войны вывезли из Гродненской губернии почти весь род. С 1995 года проживает в Беларуси. Творческие пристрастия – литература и краеведение. Член Союза писателей Беларуси, лауреат конкурса «Золотое перо Руси», Общества любителей Русской словесности им. Л. Толстого, дипломант Международного конкурса им. А. Платонова; Вторая премия Международного Тютчевского конкурса. Издано пять сборников прозы и стихов. Как краевед изучает прошлое Полесья: создал два музея, разработал ряд экскурсий, построил часовню – в память безвинно убиенных жителей четырёх деревень; награждён медалью «За личный вклад в сохранении памятников военной истории», православной медалью «Преподобномученика Макария, игумена Пинского», медалью им. Адама Мицкевича.

ЖИВОТВОРЯЩИЙ КРЕСТ

Быль

Староселье

Утренний звонок из деревни застал Владимира Николаевича уже в кабинете, когда он, как заведующий отделением Института травматологии, готовился к совещанию, которое должно было начаться через пять минут. По телефону сообщили о том, что на деревенском кладбище случился ураган, который повредил памятники на могилах его родителей. Он сразу решил сегодня же выехать в деревню, но, вспомнив о важной операции на следующий день, отложил свой выезд на два дня. А за это время узнает все подробности и обдумает, как быстрее восстановить памятники. Уже к вечеру Владимир Николаевич знал время выезда из Минска и где закажет новые памятники. Поначалу он хотел взять сына с собой в деревню, но, подумав, решил отдохнуть от всех, и потом, в прошлое надо возвращаться одному, чтобы не стесняться слёз и комплексов из детства. Через день, оформив недельный отпуск, он выехал в родную деревню.

По трассе Минск – Брест Владимир Николаевич проехал на хорошей скорости, не останавливаясь, но, съехав с трассы в направлении Пинска, сбавил скорость. Вдоль дороги стоял густой лес с двух сторон, из которого в любой момент могли выйти лось или косуля, и его взгляд скользил по соснам, одновременно любуясь зелёным цветом после чёрно-белого городского ландшафта. Владимир Николаевич безмерно любил лес! Он мог часами гулять по лесу, разглядывая деревья и вслушиваясь в их шёпот. В такие часы он чувствовал, что его корни здесь, в Полесье! И скоро его встретят – родной лес, родная деревня. Проезжая указатели деревень вдоль дороги, он мгновенно представлял их улицы, дворы, вспоминал знакомых, и всё это сливалось в фильм из прошлого, не хватало только самых важных кадров – из родной деревни. Но очень скоро и они высветятся на фоне весеннего неба!

Последние пятнадцать километров до деревни Владимир Николаевич решил ехать по лесной дороге. Он знал, что эта дорога всегда разбита лесовозами, но сейчас ему хотелось посмотреть, где прошла вырубка и много ли леса пострадало. Проехав несколько километров, Владимир Николаевич остановился напротив недавней вырубки, где ещё чувствовался запах древесной смолы и чего-то такого, от чего дышать было трудно. Этот запах сильно отличался от благотворного лесного запаха.

«Это и есть запах “крови и слёз” деревьев, и такой же запах стоит сейчас на кладбище», – задумался Владимир Николаевич об урагане в деревне.

Затем, пройдя немного по вырубке, увидел срез от большой ели, а рядом, как перья расклёванной птицы, лежали кучей ветки от ели.

Дальше он увидел красноватый срез от берёзы и вспомнил, как однажды в весеннем лесу вышел на вырубку берёзовой рощи во время движения соков. Сок ведрами лился из срезанных стволов, заливал землю вокруг, как снегом, и какое-то время нестерпимо блестел на солнце, потом начинал краснеть, краснеть, и скоро всё становилось ярко-красным, отчего казалось, будто он проходил между шеями, на которых недавно были головы. Он как врач за многим наблюдал у деревьев и всегда находил схожесть в жизни деревьев и людей. Например, ураган может обломать у дерева сучья или переломить самый ствол, но весной от корней снова пойдут молодые побеги и вырастет новое дерево. Если же в дереве заведётся грибок, съедающий его изнутри до самого корня, то ему уже ничто не поможет. Так и у человека: внешняя, наружная рана, даже перелом костей, залечивается быстро, в то время как болезнь, развивающаяся в глубине организма, оканчивается неизбежной смертью.

Ему было больно тогда и сейчас за весенние вырубки, и он вернулся к тем же мыслям: «Это ж нужно как-то вовсе оторваться от земли, от любви к цветам, к деревьям, чтобы так издеваться над природой – прерывать весну жизни. А ведь когда-то человек своим трудом и молитвой сохранял землю, засаживал деревьями и каменистую землю, а теперь деревья пытаются вымолить благодать земли. Когдаходишь в большой лес с весенней вырубкой – воздух совсем другой: как будто деревья не живут в нём, а молятся, чтобы человек оглянулся и задумался. Порой взглянешь на поведение людей в лесу – становится стыдно ходить по земле! Древний человек и тот находил в лесу и разум, и чувство, и волю. В шуме лесов, в шелесте листьев ему слышались те загадочные разговоры, которые ведут между собою деревья; в треске сломленной ветки, в скрипе расколотого дерева он узнавал болезненные стоны, в увядании – иссушающее горе...»

Тут он снова вспомнил главную цель своего приезда и поспешил в деревню.

Подъехав к дому в деревне, машину он оставил на улице, поскольку выгружать ничего особого не надо было, а пакеты с продуктами он донёс в руках. Войдя в дом, он перекрестился на иконы, раздвинул занавески на окнах, чтобы следом и солнечный свет проник в дом и известил все комнаты о весне. Подключив холодильник, насос, он сходил в сарай за дровами, потом затопил печь, грубку, и пока дрова разгорались, он позвонил в Минск, чтобы сказать жене, что доехал хорошо. Он ещё говорил по телефону, когда в дверь постучали.

– Заходи, Петрович, я уж думал о тебе... что-то не заходит, уж не заболел ли? Но теперь вижу, жив и здоров!

– Здравствуй, Николаевич! Я-то жив, а вот дед Антон умер.

– Когда? Ведь недавно звонили мне...

– Да вскоре после урагана. А звонить уже не стали, знали, что приедешь. Вовремя подъехал, хоть проводишь деда, – он уважал тебя!

– Что же сразу не сообщили? Помог бы чем, с районной властью связался...

– Да дед Антон сам обо всём заранее подумал: гроб сам сделал, во что одеть – наказал близким, даже дорогу на кладбище обговорил – везти только на телеге, запряжённой Орликом!

– А как умер? Дома?

– Да прямо во дворе. Вышел из мастерской, прислонился к поленнице и повалился. – Петрович продолжал говорить уже сидя на табуретке. – На «скорой» сказали, что сердце подвело. Да и какое сердце выдержит! Можно сказать, жил в мастерской сарая – всё что-то пилил, строгал, не мог без работы и дня прожить. А ведь уже за восемьдесят было! Мне семьдесят, а уже задыхаюсь с косой, сын привёз бензосилку, на ремень надо цеплять через плечо, так и она тяжёлая зараза...

– А похороны когда? – прервал его Николаевич.

– Сегодня. Вот батюшка приедет, отчитает, и тронемся в заветное место.

– Петрович, ты выручишь меня? Подкинешь ещё дровишек в печку, а я пойду, посижу рядом с дедом, пока священник не приехал.

– Конечно, Николаевич, не беспокойся, всё сделаю. А ты иди, дед уважал тебя! Только оденься теплее, солнце вроде бы пригревает, но ещё прохладно. Или ты на машине на кладбище?

– Ну вот ещё! Я пешочком с вами...

– Вот и правильно! На машине только батюшка поедет.

– Ну, я пошёл, Петрович?

– Иди, иди...

– А ты подложишь ещё раз и возвращайся. Дверь прикроешь.

– Да ладно, иди уж...

Шагая к дому деда, Владимир Николаевич вспоминал, что уже не первый раз его приезд совпадает с похоронами очередного старичка в деревне, а сейчас он шёл прощаться не просто со старичком, а с двоюродным дедом Антоном.

Давно наблюдая, как дед прихрамывает, Владимир Николаевич не раз предлагал ему лечь к нему в отделение.

– Нет, Николаевич... За стены не удержишься! Даже за больничные, – отвечал ему дед Антон, снисходительно улыбаясь, когда тот уговаривал его по осени обследоваться в больнице. – Не обижайся, Николаевич, но мне надо быть поближе к родной деревне, к могилам родных, где так приглубно склоняются дубы, за ветви которых ещё могу удержаться! А пока вот опираюсь на палку.

При этом он что-то чертил палкой по песку, а потом вдруг принимался разговаривать сам с собой, с небом, с лесом, с птицами, и всё его слушало и понимало, одни мы не понимали.

«Выходит, дед Антон чувствовал, что скоро ляжет под ветви дубов», – подумал Владимир Николаевич, подходя к дому деда, где уже стоял народ в ожидании выноса гроба.

Долго посидеть у гроба Владимиру не удалось, приехал батюшка на отпевание с двумя певчими из прихода. В доме стало тесно от людей, и Владимир Николаевич решил не толкаться, а подождать во дворе. К тому времени подошёл и Петрович, от которого Владимир узнал подробности урагана и последние деревенские новости. А новостей хватало, оказывается, не так давно похоронили бабу Веру, которую забил родной сын. Выяснением всех обстоятельств смерти старушки никто не занимался, а по заключению «скорой» – умерла по возрасту. Но её соседки, зная обстановку в доме и характер сына, не верили этому заключению. Но поднимать шум из-за этого им не хотелось, сына покойной пожалели – мол, не со зла, а в пьяном угаре... И уж очень искренне сын раскаивался на похоронах – рыдал, падал на гроб и неустанно просил прощения у мёртвой матери. А уже к вечеру над деревней слышался пьяный гомон. После поминок в доме покойной сын собрал компанию собутыльников и всё закончилось пьянкой.

Выслушав рассказ Петровича, Владимир Николаевич вспомнил и другой способ избавления от стариков. Год назад привезли в деревню на покой другую старушку. Привезли из города, куда дети забрали по причине болезни, да вот только жила она не с ними, а в доме престарелых.

Горько было это осознавать, зная о том, что в старину заботились даже о состарившихся быках, их не только не закалывали, а продолжали кормить и заботиться о них.

– Как можно забить, это ведь наши кормильцы были, – говорили селяне.

Владимир Николаевич шагал на кладбище среди родных деда и десятков двух старушек и старичков, опиравшихся кто на трость, кто на палку. Шагал по хорошо знакомой дороге. Впереди ехала телега, на которой покачивался простенький, сделанный из светлых сосновых досок гроб. И не по бедности гроб выглядел скромно, просто почивший дед Антон ещё при жизни наказал детям, чтоб хоронили в том гробу, где каждая досочка обработана его же руками. Ещё года два назад Владимир Николаевич застал деда в мастерской, когда он, зачищая одну из досок, говаривал: «И каждую досочку делаю с напуском: большой гроб – не беда, ведь всегда вытягиваешься чуть-чуть. Вот когда жмёт – тогда дело хуже». Дед Антон был мастером по дереву и мог сделать всё, но больше всего дед гордился сундуками, которых он сделал за свою жизнь не один десяток. После войны случалось и гробы делать под заказ. Тогда же он решил: и для себя сделает. В сравнении с покупными гробами, обитыми бархатом или парчой, этот гроб действительно напоминал новый сундук, крышку которого открыли лишь для того, чтобы всякий мог увидеть аккуратно сложенное «всё добро», украшенное венчиком, цветами и свечечкой, точно она понадобится Там деду Антону, чтобы лучше рассмотреть загробный мир. Дополнял всю эту «красоту» рушник на кресте. «Прости, Господи! – если можно так говорить о смерти?» – заключил свои воспоминания и мысли Владимир.

Дорога на кладбище проходила по староселью, так назывался большой пустырь, тянувшийся до самого озера. Когда-то именно здесь было начало деревни Бобровичи и до кладбища было рукой подать, но в войну деревню сожгли вместе с людьми. Может, поэтому после войны здесь уже не строились, рука не поднималась закладывать тут дома, где земля хранила кровь и слёзы, пепел и прах 676 селян, живо сожжённых фашистами. В основном погибли женщины с детьми и старики. Молодёжь к тому времени вывезли в Германию. В том огне и сгорели почти все родные родителей Владимира. Только

Ольга Васильевна с дочкой Анной, впоследствии его матерью, которой на то время было десять лет, чудом спаслись. Рано утром Ольга Васильевна повела приболевшую корову в табун на пастбище, взяла с собой и дочку Анюту, чтобы та присмотрела за коровой, а к вечеру привела обратно. Пока нашла табун, пока поговорила с пастухом и уже собралась идти в деревню, как услышала хлопки выстрелов и увидела дым со стороны деревни. А вскоре прибежал и соседский хлопец Колька, спрятавшийся в разоре, когда увидел, что фашисты сгоняют жителей в центр деревни. А услышав первые выстрелы, тут же бежал лесом подальше от деревни, так и выбежал весь в слезах на табун, и дальше спасались уже вместе. Да так и остался жить с ними, потому как вся его семья погибла в тот день. Впоследствии он и стал отцом Владимира. Колька уже не представлял жизни без девочки Анюты, с которой вырос рядом.

Владимир Николаевич с детских лет испытывал волнение, когда шёл по староселью. Казалось бы, уже давно никаких следов трагедии: земля свои раны залечила травой, деревья свои раны залечили смолой, всё тихо и обыденно – не слишком яркое солнце, лёгкий ветерок с близлежащего озера, к которому примешивается приятный аромат разнотравья полесских болот, и всё это кружит, скользит, задевает песчаную дорогу и скромную процессию. Но в этой тихой процессии было столько правды жизни, что Владимир Николаевич всматривался в каждый фрагмент процессии. То разглядывал стариков, одетых почти по-зимнему; то рассматривал старого Орлика, последнего коня в деревне, который неспешно тянул телегу, привыкший выполнять любую работу не торопясь, надёжно. А может, дед Антон и с Орликом сговорился о последней дороге? И конь, как никогда, шёл тихо и осторожно. Но больше всего Владимира Николаевича занимала жёлтая дорога, её песок был так чист и светел, как будто его перемывали всю зиму. Под весенним солнцем, даже не наклоняясь, можно было разглядеть каждую песчинку, и в каждой песчинке играл свет. И всё это как будто светилося не только от лучей весеннего солнца, но и от какого-то едва уловимого внутреннего света, который казался нездешним, потусторонним. Этот свет не слепил, а мягко стелился под ногами, и хотелось идти, идти – идти до конца. И было не важно, куда он заведёт – на край земли или на тот свет.

Владимир Николаевич поглядывал на деда Антона в «сундуке» и находил в его лице что-то такое, от которого на сердце была радость жизни! Он не понимал, что это с ним: в глазах стоят слёзы, а в сердце радость жизни? Похороны... и радость жизни?! А ещё в этот мартовский день ранней весны гроб с дедом был самым ярким пятном на земле. С этим «светлым пятном» соперничала только дорога, её рыжий песок явно опережал весну.

Правда, после городского асфальта ноги Владимира Николаевича как будто вязли в песке. Однако он всё равно обгонял старушек, которые не шли, а плыли по дороге, как по реке жизни.

«Вот как надо шагать по земле», – подметил про себя Владимир Николаевич и постарался шагать уже мягче и неторопливее. И всё же ему продолжало казаться, что он шагает тяжело и жёстко.

Вот так, по каким-то мелочам, он всё больше стал замечать за собой, как быстро теряет связь с родной землёй. Вон как неслышно шагают старушки! А может, они хотят неслышно подойти, тихо похоронить соседа и так же неслышно уйти, чтобы кладбищенский мир не обратил на них внимания – здесь не место заявлять о себе громко. У стариков своё отношение к кладбищу, ведь они знают, что эта встреча с роднёй не за горами, и они уже сердцем ощущают внутренний трепет, какой переживает человек перед встречей с родными, которых давно не видел.

Господи! Сколько простоты и красоты в этой деревенской процессии! А жёлтая дорога под ногами точно в золоте! Он идёт, идёт, и эта дорога есть ему как самая близкая родина! – открыл для себя Владимир Николаевич, когда осознал всю красоту и важность своего наблюдения.

Одному деду Антону в гробу было всё равно, дед даже веки закрыл перед селянами, чтобы не смущать живых. Да и смотрел он сейчас в потусторонний мир бездорожья, и по спокойному выражению на его лице было видно, что потустороннее его не раздражает, а вот от настоящего у него были причины закрыть глаза. Уж очень неуютно стало жить старикам. Им, плохо видящим и слабо слышащим, уже не по силам ответить современности, и старики сердцем чувствуют своё унижение. На их измождённые трудом плечи ложится не только усталость, но ещё безответственность молодых, которые не очень-то способны обеспечить себя трудом, и многие доедают всё то, что было нажито старшим поколением. А за все недостатки ещё и обвиняют стариков.

Конечно, дед всё это видел и понимал, а может, и боялся оказаться беспомощным. Поэтому встретил свою смерть на ногах и с улыбкой, если верить словам его сына. Хотя об этом же говорит умиротворённость на застывшем его лице.

Владимир Николаевич взглянул в сторону озера и увидел такую же умиротворённость над старосельем. Благодный воздух умиротворяющего душа добра витал над старосельем. Тут было тихо. Задумчиво. «А когда-то здесь паслись лошади, – задумался Владимир Николаевич. – Умирают старожилы, и родная земля, родительский дом уже не останавливают нас, родившихся на селе, и большая часть из нас разъехалась по городам, и только благодаря дачникам жизнь в деревне ещё как-то поддерживается. Но остаётся связь с этой землёй, и первое чувство при соприкосновении со старосельем – это смириться, отдаться, даже припасть. Слабым приходишь сюда, а уходишь сильным».

За процессией тянулась машина священника, в которой сидели певчие и несколько старушек, которым было уже не под силу пройти пешком до кладбища. Благо, что машина позволяла всем уместиться. Но своим видом современная машина никак не вязалась со старым конём, тянувшим обычную телегу. Видимо, понимая это, священник за рулём держал солидную дистанцию.

Процессия прошла мимо поворота на озеро, потом миновала тропинку, которая вела в деревню напрямки, через небольшое болото за огородами. Сколько Владимир помнил себя, эта тропка всегда была: то рыбаки сокращали себе дорогу к озеру, то детвора утаптывала её летом, бегая купаться; по ней можно было сократить путь и на кладбище. Уже с тропки виднелась величавая вершина тысячелетнего дуба, которая маяком возвышалась над последним пристанищем. Само же кладбище располагалось в дубовой роще, которая в древности являлась языческим капищем, и было чудом, что оно сохранилось до настоящего времени, пережив две мировые войны и ту ужасную трагедию, когда горела деревня. Погост спасло болото, вставшее на пути огня от горящих домов. Одно это заставляло людей преклоняться перед дубовой рощей с тысячелетним дубом в центре. Тем более что под сенью вековых деревьев разместились могилы предков, а недалеко от дуба захоронили останки сожжённых фашистами жителей деревни, где был прах всех родных по отцу и по матери Владимира. И, приближаясь сейчас к кладбищу, он всматривался в голую надломленную вершину дуба вдалеке и вспоминал Ольгу Васильевну бабушкой, когда она рассказывала Владимиру, что дед очень почитал старый дуб и, если появлялось свободное время или что-то болело, то непременно шёл к дубу, и, как правило, шёл один. Что уж он там делал, никто не знает, только через это ходили слухи о нём: одни называли его чудаком, другие – колдуном. Впоследствии и отец стал ходить к дубу. Местные люди тоже с почтением относились к дубу, а некоторые испытывали к дубу необъяснимый страх. Поэтому в деревне не любили говорить о дубе, а если уж вспоминали о нём, то в связи со смертью. И все знали: если дуб закрипел, то жди покойника в деревне. Точно дуб напоминает людям о потустороннем и за каждую человеческую жизнь скрепит, шелестит, вздыхает... Или в непогоду попадаешь под его шум как под дождь, как под молитву, как под крест... Точно шумит навстречу. И когда Владимир шёл на кладбище, он шёл не только к могилам родных, но и к дубу, он шёл в своё детство, в невинность.

Вот и сейчас, подходя к заповедному месту, Владимир стал испытывать непонятное волнение перед воротами кладбища и, как мог, попытался подавить в себе это волнение. Уж очень не хотелось ему пускать слезу на людях.

И всё же при погребении прослезился. Но кого утешит его плач? – подумал он. – Приходим к могилам и, чтобы утешить мёртвых, приносим им свои слёзы. Только для чего несём им то, что в земле имеется с лихвой? И наши слёзы над могилой могут утешить только нас же самих, нам нужно пожалеть себя перед неизбежной смертью.

Когда гроб с дедом опустили, он бросил на крышку гроба горсточку песка «на лёгкое лежание» и с болью подумал: человек умирает, песок остывает, согретый им... И теперь он старшим остался из рода.

Когда же засыпали могилу, он долго всматривался в свежий холм и силился поймать то неуловимое, что знает только один Бог, – тайну ненужности и в то же время значительности всего земного. Хотя бы этот желтоватый холмик, над которым он сейчас стоял. В его песчинках он видел что-то очень важное, искристое, которое рассыпалось по земле, но своим блеском проникало в его сознание и вызывало мысли о предках... Мысли до рези в глазах, до слёз... Точно это последние капли животельной влаги из умершего корня в его роду. Он явственно ощущал сейчас, что корень умершего деда и его корень имеют общую сердцевину, уходящую в вечность.

После погребения, когда большая часть селян двинулась в деревню, Владимир подошёл к тысячелетнему дубу, чтобы обнять его, а от него перешёл к могилам родителей, которые располагались совсем рядом. Думая с сожалением о поломанных памятниках на их могилах, Владимир крутил в голове

мысли об установке новых гранитных памятников, а ещё вспомнилась берёза: «Ещё издали белел её ствол, а теперь нет белизны, остались дубы-кавалеры без местной красавицы-берёзы, чурки которой были сложены за оградой кладбища и ждали вывоза. Пока была жива берёза, то достаивалась чести расти на кладбище, а погибла – вынесли за ограду. Выходит, люди смертью заслуживают этих мест, а деревья – жизнью».

Но сейчас Владимир переживал за живые деревья на кладбище, поскольку от селян узнал, что местная власть приняла решение убирать большие и старые деревья с деревенских погостов. Он умолял жителей деревни не позволять такую вырубку, а если что, то тут же звонить ему в Минск, а там он найдёт способ, как остановить распоряжение районных чиновников. А пока опять взглянул на древний дуб и увидел его очень одиноким среди крестов и памятников, которые как бы выстроились рядами и шагают на него со всех сторон, а если какие-то падают, то на их месте возникают новые каменные плиты. А дуб крепко стоял, гордо разбросав по сторонам свои мощные ветви. В это же время колыхались венки, рушники. Словно разгуливали усопшие и поправляли все украшения на крестах; целовали бескровными губами свежепринесённые цветы. Но этого не было. И только дубы продолжали стоять над могилами в застывшем молении да время пролетало над тихой обителью лёгким дуновением, наклоня юные дубки.

Перед тем как уйти с кладбища, Владимир вновь подошёл к дубу и прижался к нему всем телом. Он верил в то, что корни дуба сплетаются в земле с корнями его рода и в проросших корнях дуба есть знаки от предков: в морщинах коры – морщины его предков, в ветках – руки предков, в шелесте листвы – шёпот предков. И, обняв дуб, он это чувствовал руками, лицом, губами, сердцем! И в эту встречу он, как в детстве, просил: «Дуб-дубище, яви силищу!» Затем прислонился к дубу спиной и прикрыл глаза. Холод лизнул ему щёки, и он услышал странный шумок. Как будто кто-то отвлекал от медитации с дубом. Через мгновение он увидел, кто шумел: маленький сморщенный листок дуба, гонимый ветром, шуршал по земле и был похож на маленькую полевую мышку. И даже двигался, как она. Он был живой! Дубы всегда сопротивляются наступлению зимы, и Владимир не раз наблюдал, как они подолгу держат свой лист. И весной старые листья расстаются с дубом лишь после того, как начинают расти молодые. И сейчас воздух был напитан ароматом весны и божественной влаги. В тишине под благостной сенью ещё не познавших вандализма вырубки деревьев, щедро обволакивающих доброй энергией Владимира, очищался его разум от всего наносного и случайного, чтобы сказать дубу вслух:

– О, если бы мы были чисты и искренни, как вы, деревья, и так же верны небу в своей молитвенной устремлённости...

Владимиру казалось, что его слышит не только древний дуб, но и другие деревья, а может, и кресты на могилах.

Животворящий крест

Владимир Николаевич был прав, его слова растрогали не только Стародуб, они долетели и до других деревьев на кладбище, но даже те деревья, которые его не слышали, всё равно наблюдали за ним. Все старые деревья на погосте знали его ещё с того времени, когда он был не Владимиром Николаевичем – по-городскому, не Николаевичем – по-деревенски, а просто мальцом Вовкой, приходившим сюда с отцом, держась за руку. Можно сказать, он вырос на виду дубов. Будучи ещё подростком, Вовка обходил почти все дубы после ураганных ветров и непогоды, чтобы убрать поломанные ветки или вырубить побеги случайных деревьев, кустов. А Стародуб и вовсе помнит весь род Владимира, особенно поминает его деда Трофима, который часто говорил со Стародубом и черпал силы от него. Эту любовь к Стародубу унаследовал и Владимир. При каждой встрече он обнимает Стародуб так крепко, что, кажется, врастает в кору своим телом, а лицом ложится на глубокие морщины коры и горячо дышит, точно хочет горячим дыханием разгладить всю кору. Конечно, и Стародуб приходит в волнение и тоже старается поделиться своим теплом и укрепить его сердце силой и энергией.

Их встречи волновали многих на погосте: одни деревья соперничали, другие завидовали их дружбе, но равнодушных не было. Деревья видели Владимира и весёлым, и задумчивым, и грустным, нередко замечали и слёзы в его глазах. Но были и такие деревья, которые поскрипывали на его дружбу со Стародубом, особенно бурчали на него деревянные кресты. Вот и сегодня кресты первыми начали ворчать, когда Владимир обнял Стародуб: «Опять пришёл и жмётся к своему старому другу!.. Точно Стародуб

мёдом обмазан! И кто бы ни пришёл на кладбище, все льнут к нему и начинают мерить его ствол объёмами... И когда он иссохнет? Или сгниёт, как мы гниём... А сколько нас свалилось после урагана?! А ему ничего! Лишь одна подсохшая ветка сломалась. И стоит себе как ни в чём не бывало...»

Но больше всего от урагана пострадали берёзы: одни сломались под корень, другие пополам, что также не давало им шансов выжить. К тому же упавшие деревья сломали не только старые кресты, ограды, но и гранитные памятники, которые, казалось, будут стоять вечно. Но сила стихии бывает крепче гранита!

Эта трагедия вызвала такой переполох на кладбище, что не только пострадавшие деревья и кресты стонали от боли, но и люди из деревни, наводя порядок на могилах, также выражали недовольство. Затем селяне дружно и довольно быстро попилили сломанные берёзы на чурки и вынесли за территорию кладбища, а упавшие кресты часть сложили на месте мусора, а какие-то кресты приставили к оградкам или к стволам больших дубов.

Сломанные кресты поначалу молчали, потрясённые ураганом, но потом стали приходить в себя и роптать на судьбу. Их ропот сливался со стоном повреждённых деревьев, в котором слышалась обида на всё, что окружало их, но больше всего сетовали в адрес Стародуба. Тысячу лет стоит и ничего с ним не происходит?! А тут ещё увидели человека, который сердечно обнимал его. И тогда даже здоровые дубы, подчиняясь общему настроению, стали ворчать на Стародуб. Молчали только выжившие побеги молодых деревьев, довольные тем, что пережили весь этот кошмар, но и они качивались в сторону Стародуба, как будто кивали, соглашаясь с мнением большинства.

Поглядывали в сторону Стародуба и новые кресты из мраморной крошки, из гранита. Но их взгляды были вскользь, с пренебрежением, в них ещё оставался лоск и надменность ко всему старому и тленному. Они заискивали только перед специалистами по надгробным изваяниям, когда те резали их сверхпрочными пилами, ковыряли другими инструментами, эти мастера со знанием дела кромали гранит и мрамор, чтобы в них не осталось крепости и памяти о родных горах и скалах. Вместо природных вкраплений и наростов родных скал на ровных зашлифованных спилах красовались портреты людей, орнаменты и слова посвящений усопшим. Природы для каменных изваяний уже не существовало.

Какое-то время Стародуб не особо вслушивался в ропот и стон над кладбищем, он был погружён в свои мысли над случившимся: «Похоже, что в природе серьёзные перемены, и подтверждением этому являются участвовавшие катаклизмы, которые тревожат не только людей, но и растительный мир, – засухи и пожары, ливни и заморозки среди лета, смерчи и ураганы. Например, недавний ураган. Казалось бы, здесь отродясь всё жмётся к земле, так нет же, стихийным силам этого мало. А может быть, эти силы не такие уж стихийные? И в сломанной ураганом большой берёзе есть некий знак или неведомый смысл? Даже мой тысячелетний возраст не позволяет мне быть уверенным в таких случайностях, когда здоровое и сильное дерево вдруг ломается как спичка. Ведь этой берёзе было около ста лет, и она испытала многое за свой век, я-то уж это знаю, если помню берёзу ещё росточком. Уже тогда берёза показала свою стойкость – сколько прочных корней по соседству хотело лишиться её влаги, отнять земли, но берёза не поддалась, не засохла. А сколько ураганных ветров пронеслось над ней! И вдруг разом сломалась. И так упала, что подмяла под собою сразу несколько могильных крестов – даже каменные не устояли!»

Стародуб окинул взглядом место, где росла берёза, потом вспомнил селян, распиливших упавшую берёзу на чурки... И невольно подумал о себе: «Когда-нибудь и меня вот так же распилят на чурки и вынесут за ограду, только людям на руках их не вынести, нужна будет техника, чтобы справиться с такой тяжестью...» Эти мысли прервал усиливавшийся ропот над могилами. Стародуб вслушался в стенания крестов, деревьев, и сразу понял, что опять осуждают его стойкость и древность. Поначалу он решил молчать, пусть выговорятся и хотя бы таким образом снимут боль и обиду за пережитое. Но когда во всеобщем ропоте он узнал голоса не пострадавших дубов, то понял, что самое время объясниться с молодой порослью дубовой рощи, а заодно и с другими деревьями и, конечно, с крестами, которые он всегда жалел. Но сначала Стародуб обратился к деревьям:

– Друзья, я хорошо понимаю боль крестов и сильно пострадавших деревьев, но я слышу, что и дубы, не тронутые ураганом, за исключением двух-трёх деревьев, тоже стонут... Что же у вас болит? Хотя вы давно растёте с плохим настроением, что я не удивляюсь вашему нытью и увядающему виду. Вот ты, – Стародуб обратился к искривлённому от молнии дубу, – говоришь, что умираешь, потому что не можешь быть таким высоким, как сосна...

– Ну, а ты что чахнешь? – обратился Стародуб к молодому дубу, который то и дело размахивал ветками, будто хотел избавиться от них. – Ведь ты ещё так молод и полон сил!

– Хорошо тебе рассуждать, – перестав махать ветками, заговорил молодой дуб, – когда ты всё пережил – девственный цветущий лес, древние поселения с их обрядами, в центре которых ты занимал почётное место, да что там говорить, ты всего насмотрелся за свою жизнь. А я как увидел цветущую грушу, так и покой потерял, просто засыхаю, оттого что не цвету такими же цветами, как она.

– А вы не подумали о том, что мы не сами по себе растём дубами, да и растём не там, где нам хотелось бы, – продолжал говорить Стародуб, – у каждого из нас есть прошлое, которое бесценным жемчугом попало в наши жёлуди. Хотя жёлудь – это ещё не дуб. Чтобы крохотный жёлудь превратился в могучий дуб, ему нужно попасть в почву. Влага и песчаная почва переполняют своей энергией его оболочку, и она прорвётся росточком. И каким росточком – первые листочки в виде креста! И какая бы крестная мука ни взвалилась на росточек, его жизнь будет осенена животворящим крестом! В свою очередь росточек будет хлестать дождь, палить солнце, клонить ветер, пока в этом «трении» он не разовьётся в прекрасное дерево. Это ли не сила нашего креста! Господь вложил в нас этот знак ещё в райском саду – поэтому все наши ветви растут крестообразно. Но что вам прошлое и знак «креста», когда одному захотелось стать сосной, чтобы стать выше и подняться над нами. Другому захотелось цвести и благоухать цветами... Не удивлюсь, если вон тот росток, – Стародуб опустил тяжёлую ветку в сторону молодого побега, – и вовсе захочет стать розой!

Дубы на время замолчали, как бы застеснялись своих откровений. А Стародуб продолжал вещать:

– Я считаю само собой разумеющимся, что мы растём именно здесь. Всё предопределено нашими корнями. Уж не говорю о том, что солнца и влаги здесь в достатке. И люди с благоговением относятся к этому месту и стараются не тревожить нас. Если они вдруг захотят нас выкорчевать, то им придётся нарушить покой своих предков, а это весьма опасно для их будущего. А для вашего будущего опасно осуждать прошлое – это равносильно тому, что вы отказываетесь от своих корней, которые дали вам жизнь и питают вас. Мы не можем быть ничем другим, а только тем, что мы есть. Тем более что дубов в этом крае осталось не так уж много. К тому же наша дубовая роща сохранилась с древнейших времён! Тем самым мы выполняем ещё историческую миссию, и не случайно нас объявили памятником природы в Полесье! Мы растём здесь, потому что мы нужны миру такими, какие мы есть! Иначе здесь были бы другие деревья. Узнайте же, кто вы! Просто взгляните внутрь себя. Правда, некоторым деревьям может помешать этому совесть. Совесть обличает изнутри – «его червь точит». А как этот червь оказался изнутри? Всё просто и начинается с одного червя, который может быть незаметным под корой, и можно не придавать ему значения, но потом вдруг окажется, что их десятки, сотни и они кромсают уже ствол. Не надо быть бесчувственным, ведь с этого-то червя нередко и начинается болезнь. И поразить она может до самой сердцевины. А прогнать до сердцевины ствола – это стать деревом Чернолесья... А мы рождены и растём в благодатном крае Полесья! Ещё вы должны знать, что этот червь неумирающий, который только и ждёт ослабленного духом дерева, чтобы с лёгкостью добраться до сердцевины ствола и выжрать её. И вторая сила, вечно разрушающая нас, – это огонь не угасающий, но они бессильны до конца разрушить наш растительный мир, потому что у нас животворящие корни от Всевышнего! Корни – это наши истоки. По природе своей, когда корень прорастает, он смиряется с земной жизнью, все его силы устремлены в небо, а каждая веточка или сучок на стволе – это скорбь, которая не даёт нам возгордиться высотой, а напротив, каждой новой веточкой учит смирению. А за каждую смиренную ветку приходит благодать и сила. Но это совсем не значит, что любое дерево обладает необходимой прочностью. При быстром росте как раз прочность и теряется, а теряется оттого, что действительного подъёма земли к небу не происходит, дух такого дерева как будто отрицает землю – отделяясь от земли, он ничего не берёт оттуда – нет красивых веток, его листва бесцветна, точно выгорела на солнце, – нет радуги соцветий. Красота веток, краски, формы – всё это теряется с каждым метром высоты. Всё, что торопится вверх, как будто отрекается от земного, отрекается как от «презренного»... А в земле вся корневая жизнь дерева, вся память о прошлом. И это беспомыслие не укрепляет породу дерева, и при сильном порыве ветра первыми ломаются самые высокие деревья. Когда-то и я придавал большое значение росту ствола, а не кроне и листьям, в которых родовые семена будущего. Тогда мне показалось, что я достоин большей высоты, и все мои устремления были в высоту. Сейчас всем хорошо видно, что основной мой ствол сломан как раз в той части моего ствола, где предполагается вершина. Этот знак

навсегда остался напоминанием мне о том времени, когда я поверил в свою избранность и за это был наказан. Однажды случился ещё более сильный ураган, чем недавно, и он разом сломал мою вершину, а следом молния угодила туда же и выжгла всю мою гордость. Случилось это пятьсот лет назад, поэтому вторую половину жизни я уже не думал о высоте, все мои помыслы были о корнях и о кроне. Как видите, ствол почти высох, а на ветвях по-прежнему богатая листва! Чтобы ствол дерева был крепким, нужно расти не только стволом или ветками, желательно в каждом новом побеге повторять корень, то есть не изменять корневой системе и над землей, как бы прорасти в пространство как в землю. Это на первый взгляд кажется, чего проще, но за внешней простотой таятся все мыслимые и немыслимые испытания. Всмотритесь в основание всех ветвей, на всех уровнях, и вы без труда заметите, что рядом с живыми ветвями обязательно есть сухие ветви или то, что осталось от них. Не прижились в пространстве, хотя для земли вполне годились. Выходит, непросто повторять корень над землёй, непросто поднимать его «крест» на высоту. Но случается беда и с тем, кто растёт низко и всегда уверен, что не упадёт. Но это низкорослое деревце забывает о том, что на него может упасть большое дерево. Это в лесу, а на пустынном месте его может сломать даже небольшой зверёк.

Многое из того, что слышали сейчас деревья от Стародуба, было для всех откровением и вызвало затишье на кладбище. Но скоро один из молодых дубов зашелестел всеми листьями:

– Стародуб, если Господь так любит нас, то почему моя надломленная ветка не приживается до сих пор?

– Если в этой веточке остались живые соки, – уже спокойнее отвечал Стародуб, – то она и сама оживёт, а с благодатью с небес может получиться так, что вместе с веткой ты потеряешь и веру в благое.

– А при чём здесь вера?

– Видишь ли, твоя надломленная ветка, возможно, высыхает. Правда, листья на ней ещё есть, но вот сока для новых побегов может не хватить. И если бы недавний ураган доломал эту ветку, то ветка первой бы сказала: «Я росла бы и дальше, но ветер сломал меня окончательно!» Поэтому Господь сознательно не хочет прикасаться к надломленной ветке, ведь не исключено, что потом, сломавшись совсем, ветка станет протестовать: «Это Он до меня дотронулся, и потому я сломалась!» Но раз ты была надломленной, еле держалась и вот-вот сломалась бы сама, то что же ты обвиняешь Бога в том, что Он до тебя дотронулся и тебя сломал? Поэтому, брат-дубок, дождись своего часа, когда ветка окончательно отсохнет или оживёт. И то и другое будет принадлежать только твоей судьбе, и в случае плохого исхода тебе не надо будет искать виновного, то есть лишний раз искушать свою веру в Господа. К тому же всё, что надо для жизни, тебе дано, и уже дело твоё, как переносить тебе потерю или приобретение.

Стародуб на время примолк, чтобы деревья немного подумали о своих ослабленных ветках, которых хватало на каждом дереве, а потом продолжил:

– Очень надеюсь, что наш разговор останется в вашей памяти, и всё же я призываю все деревья, независимо какой породы, прежде всего прислушиваться к своим корням – в них основная ваша сила, ваше будущее. Не секрет, что в нашу жизнь вмешиваются природные стихии – как недавний ураган или молнии, от которых можем сгореть. Только это не тот костёр, что разводят люди. Костёр от молнии небеса согревает! Но ещё есть человек, от которого также многое зависит. Вы прекрасно знаете, с какой лёгкостью человек может погубить нас. Да что говорить, посмотрите на деревянные кресты, ведь каждый из них когда-то был деревом, лучшим деревом на тот час, если человек сделал из него крест. Для креста человек выбирает, как правило, самое крепкое дерево. И если бы не ураган, то сломанные кресты простояли бы ещё не одно десятилетие...

Стародуб замолчал и удивился тишине: не верилось, что деревянные кресты молчат... «Но так молчат, когда срывают горло от воплей и стонов! – подумал Стародуб. – А им есть что вспомнить, у каждого дерева свой крестный путь, и кто может упрекнуть их в случившемся... Никто. И нелегко им смотреть на моё долголетие, ведь не попади они под топор человека, возможно, и из них кто-то мог стать долгожителем в лесу».

– Даже когда вы молчите, – Стародуб обратился к крестам, – я слышу ваш ропот и стон: вы завидуете моей долгой жизни, а себя считаете мучениками, потому что вас порезали на кресты и вы доживаете свой век обрубками. И в каждом обрубке уже нет корня, вместо него только обида и злость... Но у вас остались кольца роста – это как родинки на теле человека, в них сконцентрирована память прошлого, а в памяти сила, которая позволяет даже маленькой щепке держаться на плаву волн и тече-

ний. Но вы не на плаву течений, а на вершинах жизни! Смерть – это вершина, с которой открывается Вечность. А вспомните время, когда вы утопали в венках и цветах... Вы что-нибудь подобное видели вокруг дерева? И всё же вы считаете себя мучениками, потому что порезаны на кресты. А теперь представьте, – ещё убедительнее заговорил Стародуб, – что переживают доски, на которых пишут иконы? И сколько с них снимают стружки? Но они терпеливо всё переносят, потому что знают, что большая часть чудотворных икон писана по дереву. Это они излучают нетворный Фаворский свет, испускают благоухание, мироточат, плачут и темнеют в предчувствии бед и скорбей, и даже источают кровь и не горят в огне. И наконец, иконы исцеляют! И за всем этим стоит их смирение и вера в божественное предназначение. А ведь и на вас стоит божественная печать «креста»! Но если вам не судьба уже подняться с земли, то считайте, что удобрили почву для других растений.

Все кресты погрузились в молчание. Стародуб почувствовал, как холодный сок под корой вдруг заструился там, где ствол, казалось, давно уже высох. Вероятно, это было вызвано тем, что к этому месту люди прислонили несколько ветхих крестов с могил, точно надеются, что я избавлю их от червей и гнили...

– А в чём величие людей? – вступил в разговор второй по возрасту дуб на кладбище, которому было пятьсот лет. – Если люди повинны в гибели большинства лесов? Более того, человек смотрит хозяином не только на деревья, он убеждён, что вся природа земли создана в услужение ему. Человек считает, что и солнце светит ради него, луна со звёздами украшает его ночь!

– Что до людей... Они едят лишь сладкие плоды, – немного подумав, отвечал Стародуб, – и в жертву Богу слёз своих не льют – смолу деревьев в кадиле приносят в жертву Богу... Елей готовят из маслин, собранных с деревьев, но не из тех, что упали на землю. И через это они приходят в умиление, что приношение благоухает... А ведь это наши соки. Зачем людям страдать, если за них распяли Христа. А кто распял? Они же и распяли! А сколько люди обезглавили корней... Но если я обличаю людей как главных врагов леса, то это совсем не значит, что я смотрю на них как на вырожденцев человеческого рода. В моих претензиях к людям больше размышлений, чем обвинений. В другом случае я не стал бы стоять тысячу лет над их прахом, если бы презирал их. Мне даже жалко их – легковёрных и легковесных. Потом, их так обрабатывают и обтёсывают, что большинство людей стали «обрубками», и что самое прискорбное, они не хранят свою породу, то есть свой род. Никто не считал, сколько листьев на каждом из нас, но однозначно их гораздо больше, чем жителей в нашей округе, и такое огромное количество листьев держится на одном могучем стволе. Так и люди принадлежат одному могучему стволу, которое является древом рода. А теперь посмотрите, сколько забытых могил на нашем погосте, и их количество растёт – вот к чему приводит непочитание рода. И наш долг оберегать брошенные могилы. А ещё наш удел не только вдохновлять поэтов и художников своими формами и красками, не менее почётно стать и посохом, на который будет опираться какой-нибудь странник или больной старец. При жизни человек много попирает нас, но в конечном итоге это его прах лежит подле нас. Но главное – не в земле дело и не в прахе, который покоится здесь. Если мы и храним что-то важное, то только предание. И пока мы стоим здесь кто крестом, кто деревом – предание продолжается. Наше Полесье – прародина славян, которые такие рощи, как наша, считали священными и называли божницами, а заповедным лесам присваивалось название Божелесье. Чтили леса и рощи как святилища и клялись при деревьях. И порубку таких деревьев считали святотатством и порой наказывали смертью.

Стародуб замолчал.

В уругом воздухе над кладбищем – сзади и спереди – звучали голоса и шёпот деревьев. Стародуб понимал, что его речь ещё долго будут обсуждать деревья, передавать друг другу последние новости из того, что им открылось сегодня. Он понимал и то, что не всем была по душе его откровенность. И по-прежнему одни будут называть его старцем, другие – старым пнём, а он не более чем величайший мученик. Сколько столетий он несёт свой крест!

Он мог бы сказать деревьям и крестам ещё одну важную мысль, но вряд ли они его правильно поняли, а сказал бы он следующее: «Я хочу беседовать с Небом о вас, а не с вами о Небе. Так лучше для вас».

Что лучше для самого Стародуба, он точно не знал, но в последнее время он каждый день жил в ожидании полуночи. Приходила полночь, и тогда он касался своими огромными ветками небес, пробуждая ночь, звёзды, вдохновляя их на песню во славу вечности. И если кто-то слышал её, то каждый находил в ней что-то своё: один видел, как загораются на небосводе звёзды, другого волновало таинство ночи, третьего – сам древний дуб, который искал святость не на земле, а на небе.

То был мир природной мудрости, в который и людям порой совсем не мешает вернуться.